

Когда урок подошёл к концу, Фан Вэньли вернулся в свою комнату для отдыха. Не успел он присесть, как на пороге показался старец с белоснежной бородой — его наставник Сюй Чэнчжи.

— Учитель, — Вэньли тотчас поднялся, уступая место старшему.

— Слышал от учеников, что тебе нездоровится, вот и решил заглянуть. Ты ведь всего на день отлучался, как же умудрился руки повредить?

Фан Вэньли смиренно опустил взор:

— Я не ранен, наставник. Просто... пришлось приложить слишком много усилий.

— Вот как? — Сюй Чэнчжи искренне удивился.

— Я помогал семье Тао с работой в поле.

Семья Тао была крестьянской, а значит, и работа была крестьянской — тяжёлой и грязной. Сюй Чэнчжи ошеломлённо воззрился на своего лучшего ученика, но мгновение спустя весело рассмеялся, поглаживая бороду:

— А я-то всегда считал, что ты из тех белоручек, кто и пальца о холодную воду не ударит. Кто бы мог подумать, что ты решишься на такое.

— Я лишь хотел разделить тяготы своего суженого, — спокойно ответил Вэньли.

— Раз уж дело со свадьбой решённое, — наставительно произнёс Сюй Чэнчжи, — впредь береги своего гээра.

— Я знаю, наставник.

Старик удовлетворенно кивнул. Хоть у Вэньли и были родители, они никогда не отличались добротой к сыну. Бабушка по материнской линии, к которой он был привязан, не имела права голоса. Сюй Чэнчжи своими глазами видел, как рос и мужал этот юноша, и относился к нему с отеческой нежностью, а потому искренне пёкся о его будущем. Теперь, видя, что Фан Вэньли нашёл тихую гавань, он почувствовал, как с души упал камень.

Убедившись, что с учеником всё в порядке, старик собрался уходить — впереди была ещё лекция. Вэньли поднялся, провожая его:

— Прошу вас, наставник, в день моей свадьбы почтите нас своим присутствием и станьте почетным свидетелем.

— Обязательно приду, непременно! — улыбаясь, пообещал старец и вышел за дверь.

В этот миг тень человека, затаившегося за углом, бесшумно скользнула прочь.

Гу Гуаньмин, снедаемый тяжёлыми думами, вернулся к своему столу, сжимая в руках свиток с сочинением.

«Учитель женится? Но почему об этом ни слуху ни духу?»

— Брат Гу, о чём задумался? Что сказал учитель?

Гу Гуаньмин выдавил улыбку:

— Нас прервали, я так и не успел показать ему работу.

— Ну так сходи ещё раз, чего медлить.

— Урок начался.

***

Переулок Цзиньфу, дом семьи Фан

Пока Фан Вэньли трудился в академии, А Сю успел вздремнуть, а к моменту его пробуждения над двором уже поплыл аппетитный аромат еды. Потянувшись, слуга вышел из комнаты и заглянул в трапезную, где Бай Цзинь и его спутник уже принялись за трапезу.

— Молодой господин Цзинь, доброе утро. Ло-гээр, и тебе доброго здоровья.

Ло-гээр лишь застенчиво улыбнулся и продолжил молча есть.

— А Сю, присоединишься? — спросил Бай Цзинь.

— Благодарю, не стоит. Пойду к соседям, приберу то, что хозяин недоел, — А Сю шутливо поклонился и, уже выходя за порог, обернулся: — Молодой господин, когда будете уходить, не забудьте запереть дверь.

— Хорошо.

Закончив с едой, Бай Цзинь и Ло-гээр переоделись в неприметные одежды и вышли в город. Пришла весна: ласточки резвились в кронах плакучих ив, а берега реки Миншуй оглашались звонким щебетом птиц. Природа уезда была живописна — горы и воды радовали глаз, и многие горожане в эти погожие дни предавались радостям прогулок.

Бай Цзинь и Ло-гээр миновали речной мост. Юноша, обмахиваясь веером, спустился к пристани и взошел на борт крытой лодки. За ним тенью последовал слуга; со стороны казалось, что двое господ просто решили поразвлечься на воде.

В таверне «Линьшуй», на втором этаже, в одной из уютных комнат витали ароматы дорогих тканей и крепкого вина. Чжао Чэнпэн, только что обнимавший красавицу, внезапно выставил своё тучное чрево вперёд и выглянул в окно.

— Советник, посмотри-ка.

Высокий сухощавый мужчина средних лет, поглаживая клинышек бороды, прищурился:

— Это гость из той самой семьи.

— И что же ему понадобилось в моём уезде? — недоуменно пропыхтел уездный начальник.

— Наставник второго молодого господина Бая — не кто иной, как учитель Фан, — напомнил советник Хэ.

— Совсем из головы вылетело.

Чжао Чэнпэн хлопнул себя по животу и, притянув к себе наложницу, звонко чмокнул её в щёку. В его глазах, заплывших жиром, мелькнул лукавый огонёк. Приподняв подбородок своей новой пассии, он усмехнулся:

— Видела того юношу внизу?

Наложница Фэн игриво взмахнула надушенным платком и прильнула к господину:

— Моё сердце принадлежит только вам, господин. Я и не заметила никакого юноши.

Чжао Чэнпэн довольно расхохотался — лесь пришлась ему по вкусу. Он ущипнул красавицу за талию:

— И то верно! К чёрту всех этих мальчишек!

— Господин Чжао, выпьем, — предложил советник Хэ.

— Пьём!

Пока одни предавались хмельному забвению, другие наслаждались обществом любимых. Бай Цзинь, глядя на щенка в руках Ло-гэера, покачал головой:

— С собой мы его сейчас забрать не сможем.

Младший гээр присел на корточки, подняв на него ясные глаза:

— Тогда, быть может, оставим его на время в доме учителя Фана?

— Пусть так.

Люди, недавно сошедшие с лодки, теперь углубились в лабиринт глухих переулков. За последние дни они исходили уезд Миншуй вдоль и поперёк.

— Когда же мы вернёмся домой?

— Не знаю. Потерпи ещё немного, — отозвался Бай Цзинь.

***

Минуло десять дней, наступил период Сюньцзя — время отдыха. Ученики академии Сюаньтун, точно голодные волки, вырвавшиеся на волю, хлынули с горы, заполняя таверны и лавки.

Фан Вэньли собрал вещи и отправился домой. По пути он встретил Гу Гуаньмина, который почтительно поприветствовал его. Учитель остановился и пристально посмотрел на ученика:

— В этом году тебе предстоит держать экзамены. Сосредоточься на учёбе и не позволяй посторонним мыслям отвлекать тебя.

Гу Гуаньмин склонился в глубоком поклоне:

— Я навсегда запомню ваши наставления, учитель.

Вэньли сдержанно кивнул и, не проронив более ни слова, зашагал прочь.

***

Уездное управление (Ямэнь)

Спустившись с горы, Гу Гуаньмин поспешил к задним воротам уездного управления. Привратник, только что пробудившийся от сна, недовольно ворчал, но, узнав гостя, мгновенно расплылся в подобострастной улыбке:

— Молодой господин Гу, давненько вы нас не навещали!

Гу Гуаньмин вошёл во внутренний двор, но шаг его становился всё медленнее.

«Слова учителя — это не просто напутствие, а предостережение»

Замешкавшись, он ещё раз всё обдумал и, решив не искушать судьбу, развернулся, чтобы уйти.

Но Чжао Ци, которой уже успели доложить о госте, выбежала ему навстречу. Она ухватила брата за рукав:

— Братец! Неужели появились новости?

Гу Гуаньмин мягко улыбнулся:

— Нет, просто решил заглянуть, проведать тебя.

Чжао Ци была дочерью его покойной тётки по матери. Чжао Чэнпэн, хоть и баловал дочь, вечно был занят своими наложницами. В семье Гу любили младшую кузину, часто приглашали к себе и ни в чём ей не отказывали. Гу Гуаньмин считал, что знает её с пелёнок, и верил, что в глубине души она добра. Но, помня о недовольстве учителя Фана после прошлой истории, он решил не касаться этой темы.

— Хочешь прогуляться? Я отвезу тебя, куда пожелаешь.

— Скука! Это же не область Цзяньян, на что тут смотреть? — Чжао Ци капризно оттолкнула руку брата и, надувшись, зашагала прочь.

Гу Гуаньмин вздохнул и принялся её утешать:

— Хочешь, я попрошу матушку прислать за тобой повозку, и ты погостишь в главном городе?

— Правда?! Когда?

— Поеду домой и сразу напишу письмо, — пообещал юноша, глядя на просветлевшее лицо кузины, и легонько потрепал её по волосам.

— Так поезжай скорее!

— Даже чаю не предложишь выпить?

— В другой раз!

Гу Гуаньмин лишь покачал головой, списывая всё на девичью нетерпеливость, и покинул управление. Едва за ним закрылись ворота, напускная нежность слетела с лица Чжао Ци, а в глазах вспыхнул недобрый огонь.

«Он думает, я круглая дура и ничего не знаю! — Чжао Ци сжала кулаки. — Где те люди, что следят за домом Фанов? Живо их ко мне!»

Служанка вздрогнула от резкого тона и, побледнев, пролепетала:

— Будет исполнено.

Вскоре перед Чжао Ци на коленях стоял человек в одежде мелкого торговца.

— Госпожа... госпожа Чжао...

Девушка брезгливо прижала платок к носу, словно опасаясь заразиться от этого человека самой его нищетой. Голос её был холоден как лёд:

— Я велела тебе следить за домом Фанов. Почему до сих пор ни слова, ни весточки? Ты ждал, пока я сама за тобой пришлю?!

Торговец задрожал всем телом и принялся оправдываться:

— Помилуйте, госпожа! Без вашего зова мне и за порог не ступить. Я ждал вашего приказа...

Чжао Ци почувствовала неладное, её охватила ярость:

— Что происходит в доме Фанов? Говори!

Торговец втянул голову в плечи, проклиная тот день, когда позарился на золото этой девчонки.

— В доме... в доме поселились двое, господин и слуга, зовут Бай Цзинь... Уходят на рассвете, возвращаются затемно...

— Не это я хочу слышать! — прикрикнула Чжао Ци.

Понимая, что уйти от ответа не удастся, шпион зажмурился и выпалил на одном дыхании:

— Учитель Фан женится! Он уже отвёз свадебные дары в семью Тао из деревни Баопин. Счастливым день уже назначен.

— Что?!

Служанка охнула и замерла, боясь даже вздохнуть.

— Ты лжёшь! — Чжао Ци вскочила, глаза её налились кровью.

— Не смею лгать, клянусь жизнью... каждое слово правда... — лепетал торговец.

Чжао Ци с силой пнула его в грудь.

— Ты лжёшь!

Человек повалился навзничь, скорчившись от боли и хватая ртом воздух. Даже будучи недалёким, он понял — он задел самое больное место госпожи, и теперь лучше молчать.

Девушка, точно в лихорадке, принялась метаться по комнате.

«Женится... Как он может жениться?! Невозможно! Брат Фан просто хочет отвязаться от меня, он не мог так поступить...»

Внезапно она остановилась и уставилась на торговца взглядом, полным такой лютой ненависти, что тот содрогнулся.

— Тот самый продавец рыбы?

— Д-да...

— Почему не сказал раньше?! Почему молчал?! — весь свой гнев она обрушила на несчастного шпиона, осыпая его ударами, пока тот не закрыл голову руками.

Торговец лишь стискивал зубы, проклиная свою жадность. Вволю натешившись, Чжао Ци в изнеможении опустилась на стул. В комнате повисла тяжёлая, звенящая тишина, прерываемая лишь её прерывистым дыханием. Никто не смел проронить ни слова.

— А-а-а-а! — внезапно закричала она, в клочья раздирая шёлковый платок, и одним резким движением смахнула со стола чайный прибор.

Фарфор с грохотом разлетелся вдребезги.

— Вон! Все вон отсюда! Пошли прочь!

Шпион, пошатываясь и держась за бок, поспешил скрыться. Чжао Ци в исступлении крушила всё, что попадалось под руку. Косметика, безделушки, украшения — всё летело на пол и топталось ногами. Служанка слушала этот погром со слезами на глазах, молясь лишь о том, чтобы гнев госпожи снова не пал на неё.

Когда Чжао Чэнпэн, изрядно охмелевший, вернулся домой и услышал доклад слуг, он в ярости грохнул кулаком по столу:

— Негодная девчонка!

Ополоснув лицо холодной водой и переодевшись, он направился к дочери.

— Ци-эр, открой. Это отец.

Дверь распахнулась, явив взору Чжао Ци с распухшими от слёз глазами. Увидев отца, она бросилась к нему, точно к последней надежде:

— Отец! Ты должен мне помочь! Помоги мне!

Чжао Чэнпэн похлопал её по плечу:

— Глупая, на свете полно достойных мужей. К чему тебе этот Фан Вэньли? Я пытался договориться, но он упёрся. Разве можно неволей заставить?

— Почему нельзя?! — вскричала Чжао Ци. — Ты — уездный начальник Миншуя! Он не смеет

тебе перечить!

Отец взял её за плечи и мягко произнёс:

— Послушай меня. Оставь его. В уезд приехал человек куда более знатный. Слышала о семье Бай из Цзяньяна? Второй молодой господин Бай Цзинь — и собой хорош, и чин имеет. Обещаю, он тебе понравится.

Чжао Ци с силой оттолкнула его. Чжао Чэнпэн даже не пошатнулся, а вот девушка едва устояла на ногах.

— Отец! За кого ты меня принимаешь?! — в её голосе звучало неверие.

Лицо уездного начальника помрачнело, но он продолжал вкрадчиво:

— Я желаю тебе добра.

— Нет! — Чжао Ци зажала уши и принялась яростно пинать осколки фарфора. — Мне нужен только он! Только Фан Вэньли! Отец, сделай что-нибудь... он собирается жениться... придумай хоть что-то!

Она вцепилась в его рукав, захлебываясь слезами. Истерики и капризы всегда были её главным оружием. Глядя на дочь, Чжао Чэнпэн почувствовал, как закипает гнев — она была на редкость бестолковой.

— Да что в нём хорошего, в этом нищем учителе?! — прикрикнул он. — Будь умницей, слушай отца. С завтрашнего дня начнешь искать встречи с молодым господином Баем. Если с Фан Вэньли ничего не вышло, то с Баем точно получится.

— Не пойду!

Лицо Чжао Чэнпэна окончательно потемнело:

— Пойдёшь! Это приказ!

— Чжао Чэнпэн! — взвизгнула дочь.

— Чжао Ци! — он грозно возвысился над ней. — Раз уж ты выросла в доме Чжао и пользуешься всеми благами, что даёт тебе это имя, изволь подумать и об интересах семьи!

— Не буду!

— Тогда сиди под замком! — терпение отца лопнуло, и он, взмахнув рукавом, вышел вон.

Дверь с грохотом захлопнулась, и из комнаты донёлся истошный крик Чжао Ци:

— Я позову тётушку! Позову матушку! Ты мне не отец! Настоящий отец никогда бы так со мной не поступил!

В уездном управлении воцарился хаос. Но за высокими стенами Ямэня никто не слышал этого крика.

***

На следующий день у учителя Фана был выходной. Именно на этот день они с Тао Цинъюем договорились поехать за мальками.

Ещё до рассвета Цинъюй запрягся в тележку, на которой стояли два огромных пустых чана для рыбы, и направился в город. Уезд Миншуй располагался на возвышенности, среди холмов; те, кто торговал здесь рыбой, либо ловили её в реке, либо разводили в прудах. Самих мальков здесь никто не выращивал. Ближайшим местом, где можно было их купить, был уезд Саньшуй.

Туда мальков привозили из уезда Цицан, что лежал в восточной части реки Пэй — края, прозванного «Землей тысячи озёр». Цицан находился на равнине, в самом сердце области Цзяньян, и пути оттуда вели во все концы света. Это место славилось своим рыбоводством: треть всех мальков династии Дали выращивалась именно там. В сезон торговцы из Цицана развозили живой товар по всей округе. Уезд Саньшуй был крайней точкой западной равнины, за которой начинались холмы Миншуя. Каждый год купцы из Цицана поднимались вверх по реке Пэй, и за два-три дня мальки доставлялись в Саньшуй.

Поскольку встреча была назначена на раннее утро, Цинъюй поднялся ещё затемно. Фан У, глядя, как сын торопливо ест, обеспокоенно спросил:

— Может, всё же возьмёшь с собой Третьего дядю?

— В поле ещё полно работы, — отозвался Цинъюй. — Негоже дяде из-за меня хозяйство бросать.

— Ох... — Фан У ласково поправил волосы сына. — Будь твой отец здоров, тебе не пришлось бы возиться одному.

Сезон продажи мальков всегда совпадал со временем полевых работ. Пока Тао Синъюн не покалечился, они с Цинъюем ездили вдвоём, а дядя оставался на хозяйстве. Теперь же Фан У должен был присматривать за раненым мужем, а на дяде лежали дети и двое стариков... Если бы не помощь Фан Вэньли, Цинъюю пришлось бы взять дядю с собой, и работа в поле бы

встала.

— Не волнуйся, папочка, Фан Вэньли будет со мной.

Цинъюй быстро закончил завтрак, собрал вещи и в предрассветной мгле тронулся в путь. Дядя Синван проводил его до окраины, и лишь когда совсем рассвело, юноша уговорил его вернуться.

В начале часа Дракона Цинъюй вкатил тележку в городские ворота. Улицы уже наполнились народом, зазывалы у лавок с едой всюю приглашали прохожих. Стоило поднять крышку пароварки, как облако белого пара окутывало улицу, являя взору пышные, сочные баоцзы. Цинъюй, сосредоточенно толкая тележку, миновал торговые ряды. Пот выступил на его лбу.

Свернув на восток, он прошёл мимо лавок и таверны «Линьшуй», где работал дядя Сяо Цзинь, пересёк перекрёсток и направился на север, к переулку Цзиньфу. Здесь людей было совсем мало. Колеса тележки мерно постукивали по мостовой. Услышав за спиной шаги, Цинъюй привычно потеснился к краю дороги...

***

Дом семьи Фан

В начале девятого часа, услышав стук в дверь, Фан Вэньли поднялся и отпёр засов.

— Сяо...

— Учитель, это я, — улыбнулся Бай Цзинь.

Вэньли выглянул в переулок и сухо спросил:

— Что-то случилось?

— Вовсе нет. Просто сегодня у вас выходной, вот и решил заглянуть, побеседовать.

— Я занят, — отрезал Вэньли. — А Сю, иди к городским воротам, жди там.

— Будет сделано!

— Кого ждём? Младшего отца-наставника? — лукаво прищурился Бай Цзинь.

Вэньли смерил его ледяным взглядом:

— Тебе совсем заняться нечем?

Услышав это, Бай Цзинь перестал улыбаться. Он увлѣк Ло-гээра в дом и, присев на скамью, вздохнул:

— Я уже весь Миншуй обошѣл.

— В округе полно гор, — мимоходом заметил Вэньли. — Почему бы тебе не осмотреть их?

— Зачем мне по горам лазить?.. А впрочем! Горы! — он мгновенно загорелся новой идеей. — Идем, Ло-гээр, поглядим, что там в лесах творится!

Проводив незваных гостей, Вэньли сел на скамью во дворе, мерно постукивая пальцами по столу. Прошло полчаса. Цинъюй всегда был точен, а в Саньшуй нужно было успеть до жары...

Прошѣл ещѣ час. Вернулся запыхавшийся А Сю.

— Господин, там никого нет.

— Может, что-то в дороге случилось? — Вэньли не выдержал и направился к выходу.

— Я прошѣл по всему пути, никого не встретил.

Почти десять часов... Цинъюй обещал быть к восьми. Прошло почти два часа. Лицо Вэньли внезапно побледнело.

— Спроси у стражи у ворот, входил ли в город человек с тележкой.

А Сю, видя, как изменился хозяин, похолодел от дурного предчувствия — с Цинъюем явно случилась беда. Юй-гээр должен был катить тяжѣлую тележку с чанами. Чтобы попасть в переулок Цзиньфу, он наверняка выбрал путь вдоль крепостной стены — там меньше народу.

Сердце Вэньли бешено заколотилось. При мысли о том, что с его гээром что-то произошло, его захлестнула волна ледяной ярости. Тот образ мягкого и благородного учителя, который он так тщательно выстраивал, мгновенно рассыпался в прах. Лицо его стало жѣстким как гранит, пока он осматривал каждый камень на пути, по которому должен был идти Цинъюй.

Наконец, неподалѣку от южного въезда в переулок Цзиньфу, он заметил глубокие, беспорядочные следы колес. Рядом виднелись отпечатки маленьких ног гээра и следы

нескольких мужских сапог побольше... Вэньли не сомневался — это был след Цинъюя. На его лбу вздулись вены.

— Господин! — А Сю подбежал со стороны ворот, и сердце его упало при виде лица хозяина. — Господин, он вошёл в город сразу после рассвета и направился именно по этой дороге.

— Искать!

***

Уездное управление (Ямэнь)

Комната Чжао Ци уже была прибрана, разбитые вещи заменены новыми — казалось, утреннего безумия никогда не было. Солнечные лучи падали на ладонь девушки, и она лениво наблюдала за игрой света.

— Ну что?

— Поймали, — доложил мужчина, стоявший за дверью.

— Так почему он ещё жив?

— Госпожа, всё же это человеческая жизнь. Он не раб, и если он бесследно исчезнет... начнется шум, и семья Фан этого так не оставит.

Чжао Ци в ярости запустила в него чашкой:

— Ещё ты меня учить будешь!

Она со злостью прикусила губу:

— Тогда напоите его дурманом и бросьте на улице Лю. Посмотрю я, как брат Фан женится на гээре, потерявшем честь!

— Слушаюсь.

Мужчина удалился, а Чжао Ци принялась тщательно поправлять макияж перед зеркалом. После этого пути назад не было — Фан Вэньли должен принадлежать ей любой ценой.

***

Когда Тао Цинъюй пришёл в себя, всё его тело казалось налитым свинцом. Он вспомнил, как в переулке Цзиньфу хотел уступить дорогу прохожим, но стоило ему отвернуться, как чья-то рука зажала ему рот, и сознание померкло. Теперь он на собственной шкуре понял: в этом мире, лишённом законов, нужно быть настороже каждую секунду.

Он с трудом сел и огляделся. Комната напоминала покои в богатом городском доме. Окна и двери были плотно закрыты, снаружи не доносилось ни звука. Сжав губы, Цинъюй осторожно поднялся. В косых лучах солнца плясали пылинки; судя по всему, в комнате давно никто не жил. Скрыться здесь было негде. Он подошёл к окну и легонько толкнул раму — заперто снаружи. Выхода не было.

Внезапно за дверью послышались голоса. Почувствовав во рту привкус металла, Цинъюй стремительно скользнул за дверь. С громким стуком створки распахнулись. Юноша, собрав все силы, ударил вошедшего ногой в колено. Но за первым следовали ещё двое — они мгновенно скрутили его, заламывая руки за спину.

— С-сука! — прошипел первый, корчась от боли. Он со злостью замахнулся и наотмашь ударил Цинъюя по лицу.

От сильного удара в голове юноши на миг потемнело, в ушах зазвенело. Он отчаянно забился в чужих руках, но похитители грубо схватили его за подбородок и влили в горло какую-то жидкость. Понимая, что это ничем хорошим не сулит, Цинъюй пытался вырваться, мотал головой, но его заставили проглотить всё до последней капли.

— Тьфу!

— Чёрт бы тебя побрал! Уносим его.

Ему заткнули рот тряпкой. На глазах юноши выступили слёзы бессилия. Его засунули в деревянный чан, и когда крышка закрылась, отсекая свет, его охватило отчаяние.

«Папочка, отец... что мне делать?»

Резкая боль в затылке — и он снова провалился в небытие.

***

Улица Лю

Это было место порока и развлечений уезда Миншуй, край борделей и игорных домов. Музыка здесь не стихала ни днём, ни ночью, а воздух был пропитан ароматами благовоний и дешёвых духов. Среди повозок с водой и продуктами было проще простого спрятать человека.

Уезд Миншуй не был велик, но и маленьким его не назовёшь. Рубаха на спине Фан Вэньли промокла от пота, солнце нещадно палило, заставляя голову кружиться. Часы поисков не дали ничего — Цинъюй словно сквозь землю провалился.

«Сяо Юй... Цинъюй...»

Глаза Вэньли налились кровью, он был на грани безумия.

— Господин! Есть вести с улицы Лю!

***

Павильон «Юаньян»

Во второй комнате верхнего этажа Фэн-нян, хозяйка заведения, рассматривала лежащего на кровати гээра. Лицо юноши пылало, дыхание было сбивчивым. Женщина обмахнулась веером и усмехнулась:

— Послушай, этот гээр уже не мальчик, а ты заломил за него двадцать лянов. Десять — и забирай обратно, если не согласен.

Мужчина, потирая руки, заискивающе улыбнулся:

— Фэн-нян, посмотри на это лицо! Если его подкормить да приодеть, он затмит твою лучшую красавицу.

— Хм, красавицу?

Женщина сложила веер и выпрямилась:

— Я не первый год в этом деле и людей вижу насквозь. Десять лянов, и точка.

— Ну прибавь хоть немного! — занервничал похититель.

Фэн-нян подошла к кровати и легонько коснулась веером щеки юноши.

— Куда уж прибавлять... Гляди, он совсем плох.

Цинъюй почувствовал прикосновение и медленно открыл глаза. Сознание было затуманено, тело горело так, словно по жилам текла раскалённая лава. Ему хотелось содрать с себя

одежду, лишь бы хоть на миг почувствовать прохладу.

«Как плохо... Папочка... мне так плохо...»

Бам! — дверь сокрушительным ударом была выбита с петель.

Фэн-нян вздрогнула и обернулась.

— Надо же... Неужели сам учитель Фан пожаловал?

В тот миг, когда Вэньли ворвался в комнату, он не знал, что чувствует больше — облегчение или лютую ненависть. Похититель, только что торговавшийся за живой товар, попытался прошмыгнуть мимо, но А Сю, преградивший путь, мощным ударом отшвырнул его в угол.

— Я виноват! Помилуйте! Простите меня! Пощадите!

— А-а-а-а!

А Сю ловким и привычным движением вывернул мерзавцу руки и ноги, после чего намертво связал его сорванной занавеской. На губах слуги играла улыбка, но глаза оставались холодными как лёд. Он с силой надавил на сломанную кисть похитителя:

— Пока есть время, советую подумать, какой смертью ты хочешь умереть.

Торговец в ужасе заголосил:

— Это не я! Я лишь выполнял приказ сверху! Пощадите, молю!

Вэньли бросился к кровати.

— Сяо Юй... — его голос дрогнул, когда он увидел гээра.

Он поспешно развязал путы на руках и ногах юноши. Стоило ему подхватить Цинъюя, как тот, точно спрут, обвил его шею руками.

— Сяо Юй? — Вэньли замер, сердце его готово было выпрыгнуть из груди. Тот, кто мгновение назад готов был убивать, теперь стоял не в силах шевельнуться, точно невинный янец.

Фэн-нян прикрыла лицо веером, пряча усмешку. Цинъюй прижался пылающей щёкой к шее Вэньли, его кожа была прохладной и гладкой как шёлк.

— Ох... — выдохнул юноша, зажмурившись от облегчения.

Вэньли крепко прижал его к себе, позволяя творить что угодно. Его тёмный взгляд был прикован к хозяйке заведения.

— Вон отсюда.

— Если бы не я, — хмыкнула Фэн-нян, — твой суженый был бы уже мёртв.

«Жарко... так жарко...»

Цинъюй жалобно простонал. Глаза его, покрасневшие от дурмана, наполнились слезами.

— Сяо Юй...

— Мне больно... Жарко!

Юноша принялся в беспамятстве рвать на Вэньли одежду, прижимаясь горячим лицом к его ключицам. Учитель, преодолев оцепенение, почувствовал, как полыхает тело юноши, и взгляд его стал пугающе тёмным.

Фэн-нян, покачивая бёдрами, медленно направилась к выходу:

— Да, чуть не забыла... Твоего ненаглядного опоили сильным зельем. Если не помочь ему сейчас, дурман выжжет его изнутри.

Хватка Вэньли на талии юноши стала железной. Цинъюй вскрикнул.

— Сяо Юй, всё хорошо.

Учитель подхватил его на руки, собираясь уходить. Но юноша забился в его объятиях, всхлипывая:

— Плохо... мне так плохо... м-м-м...

Видя слёзы в уголках его глаз, Вэньли почувствовал, как сердце обливается кровью. Он лишь крепче прижал гээра к себе.

— Где противоядие?!

— Его нет, — бросила Фэн-нян через плечо. — Не я его поила.

А Сю встряхнул связанного пленника:

— Где противоядие, мразь?!

— Это... это любовное зелье... какое там противоядие...

— Всё равно вы скоро поженитесь, — бросила Фэн-нян, явно наслаждаясь сценой. — Вот и помоги ему.

Не успела она договорить, как Фан Вэньли стремительной тенью исчез за дверь. Женщина разочарованно вздохнула:

— Какая жалость... Такое зрелище упустила. Учитель Фан в таком виде — редкость.

<http://bllate.org/book/15858/1500957>